

18+

АРТУР ОЛЕЙНИКОВ

БЛОКАДНИКИ

Артур Олейников

Блокадники

«Издательские решения»

Олейников А.

Блокадники / А. Олейников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517376-8

Книга открывает страшные картины блокадного Ленинграда и рассказывает, как блокадники противостояли голоду и смерти и оставались людьми...

ISBN 978-5-00-517376-8

© Олейников А.
© Издательские решения

Содержание

Артур Олейников	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Блокадники

Артур Олейников

© Артур Олейников, 2020

ISBN 978-5-0051-7376-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артур Олейников

БЛОКАДНИКИ

Глава первая

Когда в булочную блокадного Ленинграда подвозили хлеб, люди в длинной очереди переставали чувствовать мороз и прежде мертво бледные лица, словно освещались от солнца. Смерть отступала. Радость, что сейчас можно будет получить пусть и считанные граммы хлеба, была надеждой на жизнь, шанс не умереть с голоду.

Одиннадцатилетняя Анечка вставала каждый день в пять утра. Девочка одевала бабушкины валенки, куталась в котиковую шубку, одевала на голову мамин шерстяной платок и, спрятав карточки на хлеб в варежки, шла по обледеневшим холодным улицам. Дома в холодной комнате ждала больная мать, и последние дни доживала бабушка, которая уже не поднималась с постели. В семье Васильевых все были иждивенцы и получали только по сто двадцать пять грамм хлеба на день на человека.

Валенки были тяжелыми и казались худой истощенной голодом девочке неподъемными, словно мешок с цементом.

Когда хлеб лежал на чаше весов, Ане казалось, что его много, что хлебом можно было наесться, но когда блокадные граммы оказывались в руках, они представляли такими жалкими такими крохотными, что девочка, прежде чем, спрятать хлеб, заворачивала его в марлю, чтобы не потерялась ни одна крошка хлеба. Чтобы потом когда уже будет казаться, что нет сил жить, и станешь умирать от голода съесть эти крошки и дожить до следующего утра.

С хлебом возвращаться домой было весело и сладостно, словно в праздник. Откуда-то брались силы, и Аня шагала в два раза быстрее. Тяжелый груз валенок уходил на второй план. Все меркло и преображалось от мысли, что вот еще несколько минут и можно будет поесть.

«Я негодай, подлец! Собираюсь отобрать хлеб у ребенка! Но разве другие не отбирают? Не воруют, не грабят? – корил и оправдывал себя Сергей и по пятам шел за ребенком. Измученная голодом девочка, еле передвигавшая ноги казалась легкой добычей. Он давно следил за ней и сжимал в кармане перочинный нож. – Она все равно ни сегодня так завтра умрет. Умрет от голода, как умирают тысячи. Да все так! Но негодаев все же меньше других. Нет, я не смогу!»

Сергей завернул за угол и бросил преследовать ребенка. Просто есть уже не хотелось, это было что-то уже другое, чем просто обыкновенный голод. Когда обессилив мысль, переходит на бред и засыпаешь только под утро и спишь два часа и просыпаешься с мыслью, о еде которой нет, и не будет, становишься словно помешавшийся. Сначала просто теряешь на время рассудок, потом и взаправду сходишь с ума.

Сергей отстал от ребенка, только потому, что уже дошел до крайней точки и думал только про соседа, скончавшегося от голода сегодня под утро. Каждое утро он заходил к соседу, чтобы принести ему хлеб, по его карточкам, сам старик уже не вставал, и сегодня Сергей нашел его мертвым. Хлеб он получил, но старик умер и значит больше хлеба не будет, новых карточек не получить. Страшная мысль снова и снова посещала затуманенную голову Сергея. Он гнал эту мысль, но голодная смерть была страшней.

Добравшись домой, Сергей закрылся с мертвым соседом у него в квартире и достал нож.

– Только маленький кусочек! – проговорил Сергей и стал раздевать уже коченевшего старика. – Я только попробую, – говорил Сергей и отрезал холодную сморщенную плоть с трупа.

На лестничной площадке Аня встретила дедушку Гришу. Старик каждый день с ружьем на плече выходил из дома на охоту на кошек, но уже вторую неделю возвращался не с чем.

– Сегодня добуду! Вот посмотришь! – сказал вместо приветствия старик.

Аня ничего не ответила, открыла дверь и стала звать маму.

– Мама! Мама это я! Есть будем!

Обессиленная Алла Владимировна еще молодая женщина, но состарившаяся в блокаду, резала каждые сто двадцать пять грамм на три равные порции, чтобы разделить на весь день. Аня на завтрак пила кипяток, жадно съедала хлеб, и с мороза промерзнув до костей, ложилась в постель и укрывалась с головой, чтобы хоть капельку согреться.

Электричества не было. Тусклое холодное солнце по-особенному освещала дома блокадников, мрачным и безрадостным полумракам страшной войны, которая словно ненасытный и лютей зверь, требовал каждый день все новые и новые приношение в виде человеческих жизней.

Григорий Константинович оставил дома внучку пяти лет и старуху жену Василису Матвеевну.

Василиса Матвеевна знала, что муж вернётся, сегодня снова без кошки, всех кошек уже съели и прохожих в Ленинграде чаще бродячих животных встречали и провожали мертвецы.

Вторую неделю подряд Василиса Матвеевна на обед варила кошачью шкурку за шкуркой. Старик муж прежде, когда улыбалась удача, слаживал кошачьи шкурки за шкаф. Когда кошки кончились, старуха жена доставала шкурку одну в день и опаливала шерсть и долго по два часа разваривала кожицу в подсоленной воде.

– Это последняя! – горько сказала Василиса Матвеевна.

– Больше нет? – заплакала внучка.

– Нет! – ответила Василиса и принималась опаливать шерсть.

– А котлетки сегодня будут? – спрашивал изголодавшийся ребенок. Котлетками Глаша называла сухую кофейную гущу, которую бабушка однажды припрятав теперь размачивала, формовала в лепешечки и подогревала на печке.

– Сегодня еще будут!

– Я еще хлеба хочу! – плакала Глаша, съев кусочек.

– Надо терпеть, чтобы на весь день хватила, – отвечала бабушка, но не могла выдержать голодных глаз внучки, и отдавал ей свой хлеб.

Глаша съедала, все равно оставалась голодной.

– Пойди, поиграй!

– Не хочу! – отвечала Глаша, давно забросив детские игры, думая только о еде и том, что принесет или нет сегодня дедушка Гриша такую вожаделенную кошку.

У кровати валялась заброшенная кукла. Истрёпанное серое от пыли платье куклы как все вокруг говорила о несчастьях. Но кукла помнила, как в мирное время Глаша заботилась о ней и не выпускала из рук и рассказывала сказки. И разобранный и распиленный на дрова шкаф, от которого осталось теперь только пару досок, тоже мог рассказать о мирной жизни. Как хранил в себе вещи – выходной костюм деда Гриши, платья хозяйки, которые были выменяны всего лишь на несколько сухарей твердых как камень. И книжная полка без книг, которые пошли в печку, поведала бы о своих знаменитых авторах, об их написанных сто лет назад историях, на смену которым пришла самая страшная правда жизни, история блокадного Ленинграда.

Собираясь на работу, Катя Кузнецова слышала голос деда Гриши за дверью, но когда вышла, то уже ни Гриши, ни соседской девочки Ане не было. Катя девушка восемнадцати лет работала медсестрой в детской больнице. Больница была переполнена детьми. Дети были больны и истощены, их приводили родители, и потом подолгу не навещали. Одни родители не навещали детей, потому что работали, другие, потому что умерли, или находились при смерти и уже не выходили из дома.

Больница была в пяти километрах от дома, Катя старалась идти быстрее и чтобы не останавливаться, хотя очень хотелось остановиться и отдохнуть. Но останавливаться было нельзя.

Многие Ленинградцы истощённые болезнями и голодом, умирали на улицах, только потому, что останавливались, чтобы передохнуть, поседеть немного и зачастую так и оставались и умирали по дороге.

Навстречу Кати катились детские санки, на которых завернутого в одеяла мать катила мертвого ребенка. У Светланы было четверо детей. Первая девочка умерла неделю назад, теперь умер младший мальчик, старший сын пяти лет и девочка шести остались с бабушкой дома. Светлана уже не плакала, словно хоронить родных детей было для нее нормальным. Или нет, это было так страшно, что женщина уже сходила с ума и выплакала все слезы и не знала, зачем она решила хоронить второго ребенка, когда ни сил, ни средств на это не было и можно было просто оставить мертвое тело в комнате, как делали многие ее соседи. От мужа, ушедшего на фронт, остались три пачки папирос и флакон одеколона. Папиросы пошли, чтобы похоронить дочь, а одеколон она предложит кому-нибудь, чтобы выкопали могилу для сына. Промёрзшую землю станут разбивать ломом и, выкопав маленькую могилу всего с полметра глубиной, опустят в нее мертвого ребенка. Светлана постоит немного над могильным холмом и покатит пустые санки обратно в холодную квартиру и станет хлебом по карточкам мертвых детей кормить и спасать от неминуемой смерти еще живых.

Катя обернулась и посмотрела на несчастную мать.

Повстречалась еще какая-то женщина, катившая на санках только один чайник и с водой, набранной на Ниве. Так у некоторых от голода не было сил, что всего лишь трех килограммовый чайник было уже не донести.

Смена на работе в больнице начиналась с того, что Катя ходила по палатам и смотрела, кто из детей не проснулся и умер за ночь во сне. И если были мёртвые дети, шла на кухню и говорила, на сколько детей накрывать и давать завтрак. В это утро были все живы, но в обед умерла Галочка трех лет. Катя долго в оцепенении стояла над ее худеньким телом и когда пришла на кухню на мертвого ребенка уже дали порцию.

– Один ребенок умер! – тихо сообщила Катя и протянула обратно поварихе порцию жидкой кашице.

Повариха помолчала и сказала:

– Возьми себе!

– Я не могу! – испугалась девушка.

– Кому говорю, возьми! Сама ели на ногах держишься!

Катя послушалась, села за стол. Девушка долго смотрела на кашу и стала есть и зарыдала. Она вместе с горькими слезами ела порцию Галочки и представляла мертвую девочку живой. Как Галочка плакала, вспоминала маму и рассказывала, что у них было мало водички.

Мать Галочки ходила за водой с Почтамтской улицы через бульвар Профсоюзов, через переулок Завидова, на набережную. Не ведер ничего такого не было. Марина, на санках ставило разные кастрюльки. Так везла и долгие часы не бывала дома и не могла оставлять дочку одну. Галочка прежде оставалась со старой соседкой, но бабушка вскоре умерла и Марина привела дочь в больницу в надежде спасти. Катя это вспомнила, и боялась, того что она скажет матери если она придёт за ребенком.

Глава вторая

Витя проспал до десяти утра и, проснувшись, стал, запивая кипятком, есть свою порцию хлеба. Вити было шестнадцать лет, и он состоял в местной дружине – тушил зажигательные бомбы, которые сыпали на голову ленинградцев фашистские бомбардировщики. Приходил с ночного дежурства после трех ночи и без сил валился спать.

– Катерина в больнице? – спросил Витя у матери.

– Да еще с раннего утра!

– У нее сегодня совершеннолетие!

– Да, восемнадцать совсем уже взрослая! – и Наталья Алексеевна Кузнецова заплакала.

– Перестань! – стал успокаивать сын.

– И на стол ничего поставить! – сокрушалась мать.

– Вот победим, отметим, как следует! А мы вчера ночью предателя задержали!

– Это как? Какого предателя? – удивилась мать, утирая слезы.

– Самого настоящего! Раздалась воздушная тревога! И вижу на соседней улице, ракетница взмыла и осветила склад! А в том складе бензин и масло разное для машин. Я сначала не понял и растерялся, а потом кричу ребятам, что это нарочно, что это диверсия! Мы на свет, а он, стало быть, предатель, шпион еще не убежал, и мы его и схватили.

– И что он?

– Говорит, что фашисты спасут и накормят его! Сволочь одним словом. Мы его в милицию, дяде Юре, что из десятой квартире, сдали. Вот так мама! Народ на фронте кровь проливает, люди с голоду умирают, а вот такие фашистам служат. Как таких земля только носит! Ну, я все побежал! У меня важное дело есть!

– Куда, не пушу! Хватит с меня того, что я ночи не сплю, когда ты по крышам лазишь!

– Сам Шостакович тушит зажигалки! А пойду все равно! Я сегодня кровь для фронта сдаю!

Мать всплеснула руками.

– Какую еще кровь?

– Красную! – засмеялся и пошутил Витя.

– Поостри мне еще!

– Хватит тебе причитать! За кровь хлеб и деньги дают! Хлеб я возьму, а деньги, на танк сдам! Но ты не подумай я не раде хлеба! Я для фронта! Для раненых!

Мать плакала и целовала на дорогу сына. Витя фыркал, говорил, что он уже не маленький и просил мать оставить свои телячьи нежности.

Прохожих было немного. Вите Кузнецову попадались только санки с мёртвыми, и только на Ниве было столпотворение. Люди пришли к прорубям за водой. Проруби были глубокие, и люди не могли так просто зачерпнуть воды и опускали, кто чайники, кто бидоны в прорубь на верёвочках. С чайниками в основном были дети, они не могли донести домой тяжелые ведра. С бидонами женщины, а с ведрами только мужчины в основном старики из соседних с рекою улиц.

На пункте сдаче крови тоже было много людей, и Витя занял очередь.

– Витька привет! – окликнули Витю.

– Здорова Женька! – поздоровался Витя с одноклассником старшей сестры Женей Смирновым.

– Ты тоже кровь сдавать?

– А что же я хуже других? Здесь такое дело, что филонить нельзя для фронта!

– Ясное дело! У Кати сегодня день рождения!

– Я помню!

– Пойдем вместе на Сухаревскую. Вот, что у меня есть! – и, Женя, показал большие карманные золотые часы. – От деда остались! Наследство!

– Зачем это? Ты что же этих спекулянтов хочешь задобрить?

– Нет, что ты! Я Кати на подарок хочу выменять! Шоколад!

– Благодетель тоже выискался!

– Я серьезно, я предложение, хочу сделать!

– Война, а он жениться!

– И что же что война?

– На фронт тебе надо!

– Меня не взяли! Бронь дали! Говорят музыкант! Если бы знал, что война, в консерваторий после школы не пошел бы.

– Ты ей лучше свою скрипку подари!

– Смеёшься, зачем ей моя скрипка?

– А шоколад? Съест и еще с голоду как пьяная сделается. Подари ей лучше кольцо! Если жениться невтерпёж!

– Кольцо я тоже приготовил. Мамина!

– Все предусмотрел. Ромео! – и Витя засмеялся.

Витя и хоть и был высокий, рослый и на голову выше Жени выглядел еще как мальчишка и соврал, что ему девятнадцать. Медсестра не поверила, но Витя твердо стоял на своем, и медсестра разрешила, но вместо положенных двухсот грамм крови взяла только сто. Но все равно, от длительного голода у обоих ребят кружилась голова.

Сенной рынок, где можно было выменять ценности на продукты, отличался от маленького базара, который был на Владимирской улице и был самый известный. Здесь были особенные блокадники – спекулянты и черные дельцы от торговли. Они были сыты, голоса их были громкими и звучными полны сил, когда они торговались изо рта у них шел густой пар ни такой как у голодных, которые выдыхали прозрачный воздух.

– Вот смотри! – сказал Витя.– Этот что самый толстый в тулупе. Толстый значит самый жадный, ест за троих! Подойдем к нему! Ты помалкивай, я торговаться стану. То вы скрипачи доверчивый народ. Смотри еще, облапошит!

– Часы брать будите? – сердито спросил Кузнецов.

– Покажи! – заинтересовался толстяк.

– Золотые, старинные! Женька покажи!

Женя достал часы.

Спекулянт протянул руку к драгоценной вещи.

Витя отдернул:

– Что предложишь?

– Что надо?

– Шоколад! Масла, сахара и колбасы!

– Ишь чего! Дам только шоколад, – спекулянт достал из сумки плитку с изображением

Авроры на обвёртке.

– Это, что на седьмое ноября давали? – спросил Женя.

– Эта самая! Сам не съел! Для вас берег!

– Хватит, трепаться! У тебя их наверно десять штук! – разозлился Витя.

– Не твое дело!

– Наше! Две плитки и масла с сахаром! И колбасы!

Спекулянт состроил гримасу.

– Не хотите, другие возьмут! – рассердился Витя. – Вещь ценная сто грамм одного золота!

Пошли Женька!

– Стойте! – сдался толстяк и стал доставать масла и сахар. – Колбасы не дам! Плитку только одну.

– Тогда давайте вина! У нас день рождения!

Спекулянт фыркнул, на минуту отошёл и принес бутылку портвейна.

Витя взял продукты с вином и разрешил Женьки отдать часы.

– Знаешь, что с тобой по военному времени надо сделать?

– Что?

– К стенке поставить! – отважно сказал Витя и толкнул ослабленной от голода рукой толстяка в грудь.

Женька обратной дорогой радовался, а Витя рассуждал:

– Оно конечно может и хорошо, что можно на продукты обменяться. Эти цапки дороже жизни! Но ведь они предатели и хуже проклятых фашистов. Наживаются на горе людей! Жируют!

Глава третья

Сергея испугала кровь, и сначала бросив отрезанный кусок плоти от трупа на пол, долго тряпкой вытирал руки, но потом осмелел, поднял и положил в кастрюльку с водой. От нетерпения и голода варил не долго. Не промытая плоть, вымазанная грязным полом, дала страшного вида мутный и грязный навар с серой пеной.

Сергей вылил в раковину бульон и, обжигая пальцы, стал, есть прямо руками. Мясо было сладковатое и жесткое и неприятно пахло. Но Сергей не замечал, сживал, проглотил и сел расслабленный на стул и закатил глаза. Насыщения организма он не почувствовал, но ему больше было нестрашно. Он теперь не умрет с голоду. Ясная мысль, что покойника хватит надолго, вселяла надежду.

– А если кончиться, этих трупов в Ленинграде миллион! – тихо проговорил, озвучив свои мысли Сергей.

У Сергея были длинные черные грязные засаленные волосы, впалые от голода щеки и круги под глазами, но все же он был примечательной внешности молодым человеком двадцати пяти лет, потому что был огромного просто какого-то великан – более двух метров. Но с правой ногой, которая была короче другой. Но пусть он и хромал, но своими исполинскими шагами шел всегда быстрее других прохожих. Иза ноги и то, что хромым Сергея и не взяли на фронт. Сергей был бывшим беспризорником с фамилией Максимов, которая не принадлежала ни его отцу, ни матери, а просто была когда – то и кем-то выдуманной в приюте. Попав в детский дом, окончил его хорошо, хотел стать ветеринаром, но не стал, так профессии не получил и прежде мел Невский проспект. Но животных продолжал любить всю жизнь и, когда работал дворником, тратил пол зарплаты на бездомных кошек и собак. У него и сейчас в комнате жил кот, которого он прятал и не выпускал на улицу, чтобы не съели.

Успокоившись, вооружившись мыслями, что голод теперь не страшен, Максимов взял снова нож и теперь отрезал два больших куска от ягодицы трупа. Один он снова залил водой и поставил в кастрюльке на плиту, а другой понес коту Маркизу.

В однокомнатной квартире Максимова не было мебели, она вся уже давно пошла в печку, но было много книг, которые он берег и любил. Черный худой кот оживился, увидев хозяина и подбежал, и стал тереться об ногу.

– Ешь Маркиз! Не умрем теперь с голоду! – сказал Сергей и положил перед котом кусок человеческой плоти.

Кот сначала засомневался и долго обнюхивал кровавый кусок невиданного прежде мяса, но голод пересилил, и он стал грызть. Сначала ел понемногу, а потом жадно. Хозяин гладил кота, и забытое счастье приятно согревало больное сердце молодого человека. И казалось, что за окном наступило мирное время, и больше нет голодных людей с санками за спиной, на которых, как и прежде стали смеяться дети, а не перевозили мертвецов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.